

Культурная память и структура локального пространства в селах Чуново, Яровце и Русовце (Южная Словакия)*

ДАРЬЯ ВАЩЕНКО

Отдел славянского языкознания, Институт славяноведения РАН
Ленинский проспект, д. 32-А, RU-119991 Москва
E-mail: daranis@mail.ru

(Received: 4 November 2018; accepted: 10 March 2019)

Южная Словакия представляет собой регион чрезвычайно интересный в этнокультурном отношении, не в последнюю очередь ввиду того, что здесь переплетаются и контактируют славянский и неславянский этносы. Наряду с венгерским национальным меньшинством, составляющим наиболее многочисленное из меньшинств Словацкой республики, в Южной Словакии также компактно проживают представители другого этноса, славянского по происхождению – речь идет о хорватах, переселившихся в XVI в. на территорию современной Словакии, входившую в состав Габсбургской монархии.

В мае 2018 г. сотрудниками Института славяноведения РАН А. А. Плотниковой и Д. Ю. Ващенко было проведено этнолингвистическое исследование хорватских сел Яровце, Чуново и Хорватский Гроб¹, а также словацкого (до начала XIX в. хорватского) села Русовце², расположенного между селами Яровце и Чуново. При этом, в отличие от западновенгерских и австрийских хорватов, проживающих на значительном расстоянии от столиц своих государств, в данном случае места проживания хорватов либо непосредственно примыкают к столице Словакии (Хорватский Гроб), либо фактически включены в ее состав (Яровце и Чуново) и в административном отношении являются районами Братиславы. Кроме того, села Яровце, Русовце и Чуново вошли в состав Чехословакии лишь в 1947 г. в силу Парижского мирного договора – до этого они принадлежали Венгрии. Ближайший венгерский населенный пункт, Райка, был, однако, исходно заселен не венграми, а немцами.

Указанная географическая и социально-историческая специфика оказывает влияние на специфику языковой ситуации в селах, на традиционную

* Авторская работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-18-01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования».

¹ Слов. *Jarovce*, венг. *Horvátjárfalu*; слов. *Čunovo*, венг. *Dunacsún*; слов. *Chorvátsky Grob*, венг. *Horvátgaráb*.

² Слов. *Rusovce*, венг. *Oroszvár*.

народную духовную культуру, а также находит воплощение в структурировании локального пространства.

В статье мы постараемся продемонстрировать, что для каждого из трех сел с присоединенной территории (Яровце, Русовце, Чуново), несмотря на географическую близость и общность исторических условий, в которых существовали их жители, характерна ориентация на определенный тип пространства, которое с ходом времени претерпевает достаточно специфические изменения.

Материалом для анализа послужили интервью, собранные во время этнолингвистического исследования сел Чуново, Яровце и Русовце. Помимо собственно этнолингвистических вопросов, в ходе беседы информантам задавались вопросы о пространственной организации села и окрестностей, предлагалось сравнить, как было прежде и как стало теперь. В каждом из сел удалось провести с информантами экскурсию по селу, когда опрашиваемый «в режиме реального времени» показывал наиболее значимые, с его точки зрения, места и памятные знаки в рамках населенного пункта (о методах изучения городского пространства см. Бунич 2012, о необходимости «прогулки по городу» как методе сбора информации при изучении т. н. «когнитивных карт» см., например, KUSENBACH 2003).

Все опрошенные информанты являются коренными жителями своих сел, в Яровце и Чуново они принадлежат к хорватскому этносу (также сюда относятся дети от смешанных браков), а в Русовце – к венгерскому: по свидетельствам информантов, именно венгры и немцы составляли основное население Русовце до присоединения к Словакии.

В рамках пространственной структуры села выделяются несколько типов пространства, которые определенным образом переплетаются и в каждом конкретном случае выстраиваются в специфическую иерархию: 1) природное пространство, которое образует естественный природный ландшафт (Дунай, лес, озера) / искусственный природный ландшафт (парк, оросительные каналы); 2) сакральное пространство, репрезентантами которого являются храмы, кладбище, также статуи святых, кресты и др.; 3) пространство мифологическое: места обитания / активности сверхъестественных существ; 4) пространство историческое, к которому относятся памятные постройки, руины – любые знаки, свидетельствующие об историческом прошлом села; 5) пространство бытовое, т. е. локусы, актуальные для повседневной жизни: деление села на старую и новую часть, указатели, места встреч, общественные постройки.

С ходом времени каждое из выделенных подпространств претерпевает определенные трансформации, особенно рельефные в контексте того, что территория, на которой расположены села, за последние 50 лет не только изменила свою государственную отнесенность, но и подверглась усиленной и несколько искусственной урбанизации – отражение данных перемен в сознании информантов мы также стремились определенным образом зафиксировать.

Теперь остановимся на каждом из трех исследованных сел подробнее в рамках приведенной схемы, двигаясь в направлении от венгерской границы.

Так, в Чуново опорную роль играют мифологическое и сакральное пространство. Природное пространство в селе тесно переплетено с мифологическим, поэтому мифологические координаты задают прежде всего водные массивы – это собственно Дунай, якобы служивший местом обитания водяного, а также рукав Дуная, который жители села называют «малый Дунай», служивший ориентиром в рассказах о ведьмах. Между «большим» и «малым» Дунаем располагался т. н. «остров», куда ведьмы однажды унесли одного из жителей, он оставался там в одиночестве, и лишь потом был найден рыбаками (об этом см. Плотникова 2018). Также в Чуново находится *viškinja jama* («ведьмина яма»), где собирались ведьмы: «там, где потом построили школу, прежде стояла корчма для рыбаков, они там собирались, отдыхали – а потом на этом месте была яма, куда, как стемнеет, из леса слетались ведьмы». Кроме того, ведьмы могли танцевать в лесу, который обозначался немецким по происхождению словом *Hexenlok* ‘ведьмин лес’ (< нем. *Hexenloch*), а также на мелководье Дуная рядом с лесом.

Пространство сакральное представлено церковью, с которой связано несколько легенд, а также прилегающим кладбищем. Кроме того, в праздник *Tjelova* (праздник Тела и Крови Христовых, четверг на Троицкой неделе) село размечается алтарями, регулирующими маршрут обхода, алтари располагаются у домов семей: Маас, Брос, Бодич, а также напротив статуи св. Флориана. Кроме того, существуют обходы за пределами села, где точно так же по четырем сторонам света стоят четыре креста. Характерно, что даже само место, где был установлен крест, сохраняет свою культурную значимость: недалеко от Чуново есть локус *Pri bohu* – место в лесу, где прежде стоял такой крест, снесенный в ходе проведения новой государственной границы: при этом люди даже в советское время ходили молиться на это место и до сих пор сакральный локус остается в сознании информантов.

Бытовое пространство также тесно связано с природным и представлено трехчленной оппозицией «старая улица» / «село» / «новое село», в данном случае показательным является именно вектор соотношения подпространств: ввиду того, что Чуново расположено вблизи сразу двух преград, водной и административной, село расширяется только в одном направлении. Одним из факторов, задающим динамику границ Чуново, являются природные бедствия – наводнения: так, наиболее старая часть села была расположена ближе к Дунаю («прежде село было там, где у нас улица *Na hradzi*», туда пришли римляне, и первое поселение было там). Однако затем, ввиду того, что эта территория часто затапливалась, центр сельской жизни сместился, и уже эта, заново отстроенная часть, получила название «село»: соответственно, «новое село», где селятся уже словаки, расположено еще дальше, т. е. ближе к Русовце: прежде, по утверждениям информантов, там были яблоневые сады.

Историческое пространство парадоксальным образом не играет в случае Чуново сколь-нибудь определяющую роль, оно подчинено пространству бытовому и мифологическому. Так, здание местной усадьбы, в отличие от Русовца, в Чуново не имеет заметной функции: информанты, как правило,

отмечают вторичную, подчиненную роль владельцев усадьбы по отношению к владельцам замка в соседнем Русовце, и кроме того, прежние хозяева не причисляются к числу своих: «они были немцами», «мы их почти не знали». После включения Чуново в состав Чехословакии здание усадьбы переходит в сферу пространства бытового: в нем квартировали пограничники, часть из которых завела в Чуново семьи и тем самым была интегрирована в число своих, местных.

Русовце, которое находится в пяти километрах от Чуново, предполагает совершенно иной тип пространственной организации.

В Чуново и Яровце существует определенная преемственность традиций, представители исконных родов живут достаточно компактно и в целом хорошо вычленились в общей массе жителей села, а ассимиляция носит естественный характер – в Русовце все обстоит с точностью до наоборот, поскольку после Второй мировой войны значительная часть коренных жителей венгерского и немецкого происхождения была депортирована либо в северные области Чехии, либо в Германию.³ Современное население Русовце по большей части складывалось уже в 1960–1970-е гг., поэтому коренных жителей здесь отыскать достаточно сложно. Полученная нами картина пространственной структуры формировалась, с одной стороны, по материалам интервью с коренной жительницей Русовце, венгеркой по национальности, с другой стороны, применялось включенное наблюдение различных коммуникативных ситуаций в селе – наконец, определенная пространственная картина Русовце складывается из «внешних» отзывов, которые были даны жителями соседних хорватских сел, обучавшихся в данном селе в средней школе. Разорванность этнокультурной традиции, столь характерная для Русовце, переживается оставшимися коренными жителями как травматический опыт. При этом для жителей соседних сел Русовце выполняло посредническую роль и служило местом встречи хорватов из Яровце и Чуново, что в определенном смысле способствовало сохранению их этнокультурной общности.

Данными относительно структуры мифологического пространства в Русовце мы в настоящее время не располагаем: нарративов, описывающих места обитания сверхъестественных существ, нам практически не встретилось – возможно, именно в силу того, что традиция в селе была искусственным образом прервана.

Сакральное пространство в Русовце подчиняется оппозиции «настоящее (старое) / ненастоящее (современное)». Так, в селе есть сразу три объекта религиозного культа: две католических церкви и одна лютеранская. Лютеранская церковь квалифицируется коренными жителями строго по национальному признаку и ассоциируется со словаками протестантского вероисповедания. Это не оценивается позитивно в контексте этнокультурных трансформаций в селе, когда уже после войны множество немцев и венгров

³ Немцы были депортированы из Русовце в 1946 г., т. е. еще до присоединения к Чехословакии, а венгры уже после 1947 г.

католического вероисповедания вынуждено было покинуть Русовце, и на их место заселились словаки, по мнению старожилов, протестанты: «А вот лютеранская церковь, послезавтра будет открыта, но мы ее никогда не посещали, она для словаков, когда после войны стали приезжать отовсюду словаки, тогда в лютеранской церкви стало не протолкнуться». Две католические церкви, расположенные в селе, противопоставляются старожилами как настоящая /не настоящая. Более древней и знаковой для села является небольшая по размеру церковь св. Вита, построенная еще в те времена, когда Русовце было хорватским селом (в начале XVI в., на месте прежней постройки XII в.). В наши дни, однако, церковь закрыта и для богослужения не используется – все богослужения проходят в храме св. Магдалины, построенном уже в XVIII в., когда началась активная германизация Русовце. По утверждениям информантов (этнических венгров), неиспользование настоящего храма может негативно сказаться на жизни села: «все наши беды оттого идут, что мы в старый костел не ходим, а молимся только в новом». «Настоящий» и пустующий храм св. Вита находится на окраине села, там же, где и заброшенный замок рода Зичи, который составляет доминанту культурно-исторического пространства в Русовце, и вместе с тем, наряду с домами, выстроенными неподалеку для слуг графа, формирует центр «прежнего» бытового пространства. В настоящее время дома для прислуги пустуют и разваливаются, по утверждениям старожилов, «ночью сюда ходить опасно», а в замке долгое время располагался Словацкий народный художественный коллектив (SLUK – Slovenský ľudový umelecký kolektív), труппа занимается постановками из области словацкой народной культуры, что воспринимается коренными жителями-несловаками как нечто привнесенное извне. В настоящее время замок находится в состоянии медленной реставрации, а SLUK официально переехал в здание бывших конюшен графа Зичи. Характерно при этом, что при большом количестве нарративов о графе Зичи и его жене, никаких преданий о сверхъестественных существах, обитающих в замке, нами в Русовце зафиксировано не было – ср., например, упоминания о легендах, окружающих замок в градищанском селе Рехьниц, а также о родовом проклятии с. Филеж (Плотникова 2008: 32).

Уже после присоединения в двухэтажном здании напротив замка, также выстроенном для слуг графа Зичи, была размещена словацкая школа, в которой учились хорваты из окрестных деревень. В свою очередь, венгерская школа, где учились местные жители до присоединения, располагалась недалеко от центральной площади города – в настоящее время оба здания находятся в запустении, новая школа, построенная в 1970-е гг., располагается на западной окраине села, «ближе к столице», и расценивается старожилами как неправильная, ненастоящая. Еще одним зданием бытового назначения, являющего символ прежней жизни, является бывшая богадельня (ср.: «наши венгерские дворяне заботились о жителях села и на свои деньги выстроили приют для бедных»), в настоящее время приют не используется по прямому назначению и находится в частном владении. Для бытового пространства тем

самым характерна утрата прежними зданиями своих бытовых функций, так, что они остаются в поле зрения жителей и рассматриваются как символы прошлого.

Характерно, что трансформация села идет не по принципу расширения его границ, а по принципу загромождения, заполнения новыми объектами прежних координат. Ср.: «когда я была маленькой, было всего три улицы, а теперь где было три, стало семь, вырубili прежние сады и на их месте проложили улицы». Это же касается и статуй святых, поставленных в сквере в центре села: «прежде точно была вот эта, центральная, статуя Девы Марии, а потом откуда-то зачем-то принесли еще две и стало всего три, но это уже в наши дни». Ср. также: «Прежде Русовце было почти таким же, если по границам села, но воздуха было больше, а теперь все заставили, застроили».

Новые жители села расставляют ориентиры несколько иначе, при этом в плане местонахождения актуальные ориентиры располагаются там же, где и старые, однако носят более функциональный характер: так, восточная граница села связывается с автомастерской *Jurik*, расположенной напротив костела св. Вита («встретитесь у Юрика»), а центр села маркирует не статуя девы Марии, а расположенные там же небольшой торговый центр и современной постройки фонтан перед ним («проще всего вам встретиться у фонтана»).

Природное пространство в Русовце представляют парк при замке и озера (соответственно Русовское озеро и Чуновские озера), которые располагаются по обе стороны от села. Все эти объекты так или иначе носят следы человеческого вмешательства. При этом, если парк прежде поддерживался, а теперь находится в запустении, то озера, появившиеся лишь во второй половине двадцатого века на месте строительных карьеров, являются для старожилов ненастоящими и потому нереальными. Информанты из соседних сел, а также люди, которые живут в Русовце не так давно, воспринимают озера как естественный природный объект, однако старожилы высказываются достаточно категорично, связывая возникновение озер с последствиями присоединения территории: «Да разве это озера? Их прежде не было, это строительные карьеры и там, и там, приезжали огромные машины и добывали щебенку, из нее потом построили Петржалку».⁴

Парадоксальным образом развалины римских построек (*Gerulata*, римский военный лагерь, относившийся к провинции Паннония, существовавший во II–IV вв. н. э. на территории нынешнего Русовце) не включаются коренными жителями в сферу «своего» и причисляются ими к позднейшим инновациям примерно того же порядка, что и озера: «Вот, это я помню и тоже могу рассказать – когда мы были детьми, здесь не было этих развалин, был большой холм, кажется, в частном владении, и мы на нем играли. Потом начали копать, и оказалось, что римская Герулата здесь. А прежде никто не догадывался, холм и холм».

⁴ Современный район Братиславы, территориально расположенный близко от Яровце, начал активно застраиваться в 1970-е гг.

Таким образом, в структурировании ментальной карты старожилов Русовце существенную роль играет оппозиция «настоящее / фальшивое», при этом фальшивое, искусственное связывается с современностью, а знаки настоящего остаются в пределах села, однако либо утрачивают свою непосредственную функцию, либо «теряются» в результате загущения пространства села сходными по форме и функции, но посторонними по происхождению объектами. Наконец, в селе Яровце, расположенном ближе всего к Братиславе, представлен иной тип пространственного структурирования, поскольку здесь, в отличие от предыдущих сел, доминирует ориентация на конкретные исторические события и на функциональную предназначенность локуса.

Пространство сакральное в Яровце традиционно организуют церковь и кладбище, при этом церковь также служит доминантой бытового пространства и отделяет старое село от нового: в отличие от Чуново, где церковь расположена во главе села, в Яровце церковь находится посередине села, так, что исконная, хорватская часть обступает церковь по периметру, а новая формирует уже периферию: «старое село – это дома, что вокруг церкви, а новое – все дальше и дальше, в старом селились хорваты, а в новом уже словаки и венгры». Само возведение церкви в Яровце (конец XVIII в.) традиционно связывают с конкретной ситуацией: граф Зичи, проезжая через Яровце, увидел множество людей, стоящих на кладбище возле маленькой часовни, остановился и узнал, что церкви как таковой в селе нет, и жителям приходится осуществлять богослужения фактически под открытым небом – тогда граф распорядился помочь жителям этой деревни построить церковь, что и было сделано. Церковь посвящена св. Николаю, и это также связывается с упомянутым случаем: графа звали Миклош, поэтому церковь была фактически названа в его честь. В свою очередь, кладбище в Яровце также вплетено в историческое пространство: оно заложено на месте прежнего поселения, в двадцатом веке здесь были найдены остатки кладки, и прежняя кладка формирует само строение кладбища: после того, как древняя стена была обнаружена, планировка кладбища была изменена. Еще одна легенда связана с дорогой, соединяющей села: его структурирует крест, стоящий на окраине Яровце возле дороги, ведущей в Русовце и Чуново: по легенде, на месте, где теперь стоит крест, проходили казни, поэтому вся эта дорога получила название «проклятой дороги». Точно так же, как и в Чуново, определенные сакральные координаты в селе задаются на т. н. праздник *Tjelova*, при этом, как и в Чуново, алтари ставятся возле конкретных домов, символизирующих хорватские семьи, исконно проживающие в селе: в Яровце это семьи Новак, Варенич, Банкович и Янкович.

Мифологическое пространство в Яровце практически не структурировано, нарративы о местах обитания сверхъестественных персонажей здесь крайне бедны. В бытовом пространстве, помимо разделения на старое и новое село и соответственно, на хорватскую и словацкую части, выделяется также Венгерская улица (*Mad'arská ulica*), связанная с конкретными историческими событиями: по сообщениям информантов, улица названа так потому,

что после войны туда переселили венгров, которые жили особняком в небольшом поселении в лесу и разводили фазанов для графа.

Природный топос как таковой в Яровце представлен в значительно меньшей степени, нежели в предыдущих двух селах, высказывания касательно Дуная содержат значимое отрицание: «нет, у нас с Дунаем ничего не связано, здесь он далеко, не то, что в Чуново». Пространство природное, как правило, служит жителям Яровца для ориентации, – либо касательно метеорологических явлений (считалось, что гроза всегда приходит с северо-запада, из «Бабина угла»), либо касательно местонахождения конкретных населенных пунктов, в т. ч. по ту сторону государственной границы: «в конце улицы видна большая гора, и вот в той стороне Австрия», «за селом лес, и вот в этом лесу прежде было венгерское поселение», «если выехать из села, будет поле, и вот за тем полем уже Братислава».

Мы видим, что каждое из сел предполагает свою иерархию и способ трансформации пространственных отношений. В Чуново опорным является сакрально-мифологическое пространство, которое задает общий модус восприятия исторических событий и сохранения базовых ценностей. В Русовце определяющим является культурно-историческое пространство, которое конструируется знаками прошлого как подлинного в противовес настоящему как фальшивому, ложному. В Яровце доминирует историко-бытовое пространство, задающее вектор постепенного освоения территории, ее включения в ближнюю сферу путем проведения над ней определенных преобразований.

Литература

- Бунич 2012 = Бунич Е. А. Методы изучения восприятия городского пространства. *Мониторинг общественного мнения* 2012/6: 43–47.
- Плотникова 2008 = Плотникова А. А. Историческое и мифологическое пространство: славяне в инокультурном окружении. *Живая старина* 2008/2: 31–34.
- Плотникова 2018 = Плотникова А. А. «Водные хорваты» и специфика их традиции: обзор этнолингвистической экспедиции. *Славянский альманах* 2018/3–4: 343–356.
- KUSENBACH 2003 = KUSENBACH M. Street phenomenology: the go-along as ethnographic research tool. *Ethnography* 2003/4: 455–485.

DARIA VASHCHENKO

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Cultural Memory and the Structure of Local Space in the Villages of Chunovo, Jarovce, and Rusovce (Southern Slovakia)

The paper describes the structure of the local space of the Croatian villages of Chunovo and Jarovce, and the Slovak (earlier predominantly Hungarian–German) village Rusovce (Southern Slovakia, the region of Bratislava) in the form in which it conceptualities in the

minds of local residents. The material was oral records on the results of the field survey of villages in May 2018. It is noted that the specificity of the structuring of local space in the villages was influenced by their complex geographical and sociohistorical peculiarities since the villages are located within the capital of Slovakia and at the same time they became part of the state only after 1947.

It is shown that each of the three villages is characterized by orientation to a certain type of space which is significantly transformed with the passage of time. Thus, in Chynovo, which is located closer to the Hungarian border, the mythological and sacred space is supported. The natural space in the village is closely intertwined with the mythological, and the domestic is subordinated to the sacred, while the historical space does not play any significant role.

Rusovce, located five kilometres towards the capital, is a completely different type of spatial organization, a significant imprint on Rusovce was imposed by the deportation of indigenous people after the Second World War. The disintegration of the ethno-cultural tradition is perceived by the remaining indigenous people as a traumatic experience. Sacred space in Rusovce is the subject of the opposition “real (old)” and “fake (modern)”. Domestic space is characterized by the deprivation of former buildings from their household functions, while they are turning into symbols of the past.

The transformation of the village takes place not on the principle of expanding its borders but on the principle of concentration, filling the old coordinates with new objects. Natural space bears traces of human intervention and is associated with the consequences of the territory’s accession. In the structuring of the mental map of the old residents of Rusovce, the opposition “real” and “false” plays a significant role. The false, artificial, is associated with modernity, and the signs of the present remain within the village but either lose their direct function or are “lost” as a result of the concentration of the village space by objects which are similar in form and but foreign in origin.

The village of Jarovce, which is the closest to Bratislava, is dominated by a focus on specific historical events and on the functional relevance of the locus. The sacred space in the village is subordinated to the historical, and the domestic, in turn, is subordinated to the sacred, the dominants of which structure the village and at the same time are clearly associated with specific events in the relatively distant past. Mythological space in Jarovce is almost not structured but natural topos serves for orientation about weather events or specific localities.

Keywords: mental map, local space, cultural memory, narratives, conceptualization, sociocultural situation, desacralization, folk spiritual culture